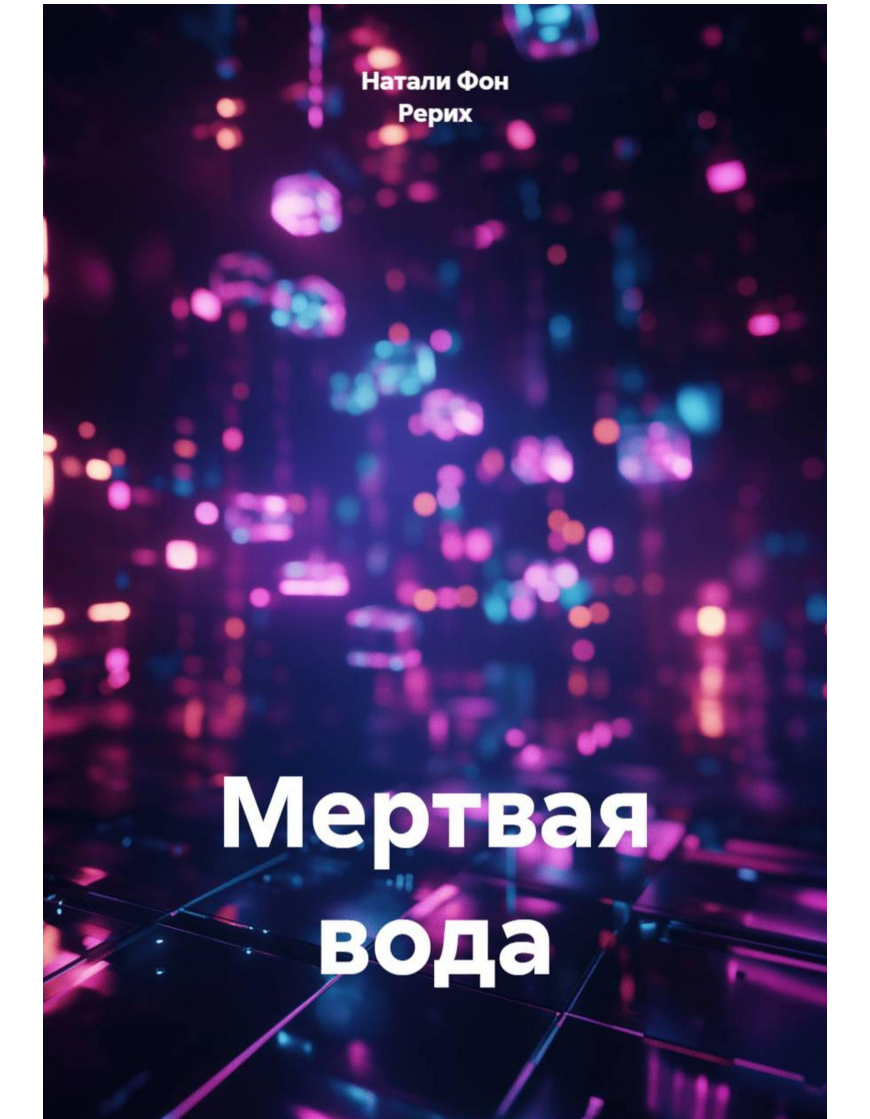

Натали Фон
Рерих

Мертвая вода

Натали Рерих

Мертвая вода

<https://litres.ru/74559239>

SelfPub; 2026

Аннотация

Следователь Виктор Савельев расследует серию убийств женщин, чьи тела находят в Ангаре. Все жертвы — одинокие женщины, все утонули, у всех следы верёвки на запястьях и странный круглый отпечаток на груди. Виктор выясняет, что все они были членами закрытого женского клуба «Круг», которым руководит харизматичная Вера Соколова. Вера убеждает женщин, что смерть через воду — это освобождение от боли, одиночества и страха. Двенадцать жертв за десять лет, и никто не связал их вместе. Виктор находит свидетельницу, бывшую участницу клуба, и получает доказательства. Он арестовывает Веру и успевает спасти тринадцатую — женщину, готовую добровольно уйти в воду. Повесть — о тёмной стороне веры, о том, как отчаяние делает людей податливыми, и о том, что выход — это не смерть, а жизнь, даже если она трудна.

Натали Фон Рерих

Мертвая вода

Мёртвая вода

Глава 1. Утопленница

Май выдался холодным. Даже для Сибири — холодным. Снег сошёл только к середине месяца, и земля ещё не успела прогреться, когда в реке нашли тело.

Я стоял на берегу Ангары, засунув руки в карманы куртки, и смотрел, как водолазы вытаскивают на носилках то, что когда-то было женщиной. Река в этом месте была мутной, тёмной — весенний паводок принёс ил и грязь. Тело пробыло в воде не меньше недели, и то, что от него осталось, мало походило на человека.

— Ну и воняет, — сказал молодой опер по фамилии Костин, стоявший рядом со мной. Он был новеньким, из областного управления, присланным нам в помощь. На его лице застыла гримаса отвращения. — Я думал, утопленники пахнут по-другому.

— Утопленники пахнут именно так, — ответил я. — Река, тина, разложение. Привыкай.

Меня зовут Виктор Савельев. Я старший следователь Следственного комитета по Иркутской области. Двадцать два года службы. Больше тысячи дел. Убийства, изнасилования, пропажи без вести — всё, что может предложить этот мир, прошло через мои руки. Я давно перестал удивляться человеческой жестокости, но каждый раз, когда видел тело, что-то внутри сжималось.

Может быть, поэтому я до сих пор работал. Чтобы это «что-то» не умерло окончательно.

Водолазы положили носилки на гравий. Эксперт-криминалист, женщина лет пятидесяти с усталыми глазами, присела рядом. Её звали Лариса Пантелеева, и она работала в этой системе дольше меня.

— Женщина, — сказала она, не поднимая головы. — Возраст... сложно сказать. Тело сильно повреждено. Но по костям — лет тридцать пять, сорок. Может, меньше.

— Причина смерти?

— Механическая асфиксия. Утопление. Но это предварительно. Надо смотреть в морге.

Я кивнул. Костин топтался рядом, явно желая что-то

спросить, но не решаясь.

— Что? — спросил я.

— Почему вы думаете, что это не несчастный случай?

Я посмотрел на тело. Руки женщины были вытянуты вдоль туловища, пальцы сжаты. На запястьях — тёмные полосы, которые могли быть следами верёвки.

— Потому что утопленники не связывают себя сами, — сказал я. — И ещё потому, что в прошлом году в этом же месте нашли ещё одну женщину. С такими же следами.

Костин побледнел.

— Серийный?

— Пока не знаю. Но узнаю.

Я отвернулся от реки и пошёл к машине. В голове уже выстраивался план. Первое: установить личность. Второе: найти всех, кто мог её знать. Третье: понять, что связывает её с прошлогодней жертвой.

И, возможно, с теми, кто пропал ещё раньше.

В морге было холодно. Свет ламп отражался от кафеля, создавая ощущение стерильности, которое никогда не было правдой. Запах формалина въедался в одежду, в волосы, оставался на коже даже после душа.

Лариса работала быстро и молча. Она была профессионалом, и ей не нужно было объяснять, что делать. Я стоял в стороне, смотрел и ждал.

— Вот, — сказала она через час, указывая на шею женщины. — Следы от верёвки. Прижизненные. Её связывали до того, как бросили в воду.

— Одна верёвка или несколько?

— Одна. Тонкая. Синтетика. Но следы... — она помолчала. — Следы странные. Верёвка была затянута не на шее. На груди. Как будто её привязывали к чему-то. Или к кому-то.

— К камню?

— Может быть. Но камень бы оставил другие следы. Тут другое.

Я подошёл ближе. На груди женщины, под левой ключицей, был странный отпечаток. Круглый, диаметром санти-

метра три. Как будто что-то прижимали к коже. Долго. С силой.

— Что это?

— Не знаю. Похоже на ожог. Но не термический. Химический, может быть. Или... — Лариса замолчала.

— Или?

— Или это след от чего-то, что было прикреплено к её телу. Что-то, что убрали после смерти.

Я достал блокнот и записал. Это было важно. Я чувствовал это нутром — тем самым, которое двадцать лет назад привело меня в органы и которое никогда не ошибается.

— Ещё что-нибудь?

— В лёгких — вода. Речная. Она утонула. Но перед этим...
— Лариса посмотрела на меня. — Перед этим она была без сознания. Возможно, ей дали что-то. Снотворное или наркотик. Токсикология покажет точнее.

— Когда?

— Через неделю. Может, две.

Я кивнул. Неделя-две. Значит, время есть. Но не так много, как хотелось бы.

— Личность установили?

— Нет. Отпечатков нет. Зубы... — Лариса покачала головой. — Слишком повреждены. Нужно искать по базе пропавших.

Я вышел из морга. На улице светило солнце, но тепла не было. Я достал телефон и набрал номер.

— Костин? Это Савельев. Подними базу пропавших за последние полгода. Женщины, тридцать-сорок лет. И ещё — найди мне дело по утопленнице, которую нашли в прошлом мае. Ту, что в Ангаре.

— Понял, — ответил Костин. — Сделаю.

Я положил трубку и посмотрел на небо. Птицы летели на север. Весна. Время, когда всё оживает.

Но кто-то в этом городе не хотел, чтобы женщины жили.

Глава 2. Первая жертва

Дело прошлого года лежало в архиве — тонкая папка, которую, судя по пыли, никто не открывал с момента закрытия. Я сидел в своём кабинете, пил остывший кофе и читал.

Женщину звали Ольга Кравцова. Тридцать восемь лет. Работала бухгалтером в строительной фирме. Жила одна, в квартире на улице Лермонтова. Пропала в апреле прошлого года. Тело нашли в мае — в Ангаре, в том же месте, где сейчас нашли вторую.

Причина смерти: утопление. Следы на запястьях: верёвка. След на груди: круглый отпечаток. Дело закрыли через три месяца — за недостаточностью улик.

Я откинулся на спинку стула. Два тела. Одна и та же река. Один и тот же способ. Один и тот же след на груди.

Это была серия.

Я открыл ноутбук и начал искать. Если убийца действовал в прошлом году, он мог действовать и раньше. Просто тела не находили. Или находили, но не связывали с этим делом.

Через два часа я нашёл ещё две жертвы.

Первая — Марина Гусева, тридцать пять лет, пропала в 2019 году. Тело нашли в Ангаре через месяц. Следы на запястьях. След на груди. Дело закрыли.

Вторая — Анна Соколова, сорок два года, пропала в 2020-м. Тело нашли в том же месте. Те же следы. Дело закрыли.

Четыре женщины. Четыре года. Одно и то же место. Один и тот же почерк.

Я вызвал Костина.

— Смотри, — сказал я, разложив на столе фотографии. — Кравцова. Гусева. Соколова. И теперь — неизвестная. Все женщины. Все пропали весной. Всех нашли в Ангаре. У всех следы от верёвки на запястьях и странный отпечаток на груди.

Костин смотрел на фотографии. Его лицо было серьёзным.

— Почему дела закрыли?

— Потому что не было улик. Ни свидетелей, ни отпечатков, ни мотива. Женщины жили одни. Никаких связей между ними. Разные районы, разные работы, разные круги обще-

ния. Следователи решили, что это несчастные случаи. Или самоубийства.

— Но это не самоубийства.

— Нет. Это убийства. И убийца всё ещё там.

Я встал и подошёл к окну. На улице шёл дождь. Мелкий, затяжной. Такой же, как в тот день, когда я нашел первую жертву двадцать лет назад.

— Что нам делать? — спросил Костин.

— Для начала — установить личность последней жертвы. Потом — найти связь между всеми четырьмя. Потом — найти убийцу.

— А если связи нет?

Я обернулся.

— Связь есть всегда. Просто мы её не видим. Пока.

База пропавших была огромной. Тысячи имён, тысячи лиц, тысячи историй. Я сидел перед монитором, листал страницы и чувствовал, как время утекает сквозь пальцы.

Костин работал рядом. Он был молодым, но не глупым. Иногда он задавал правильные вопросы — те, которые я сам не догадался задать.

— А если убийца — женщина? — спросил он вдруг.

— Почему ты так думаешь?

— След на груди. Круглый. Как от медальона. Или от кулона. Женщины носят кулоны. Мужчины — реже.

Я задумался. Это было логично. След мог быть от чего-то, что убийца прижимал к телу жертвы. Ритуальный жест. Или просто привычка.

— Проверь, — сказал я. — Всех женщин, которые были знакомы с жертвами. Подруги, коллеги, соседки. Может, кто-то из них носит кулон.

Костин кивнул и вернулся к работе.

Я продолжил листать базу. И через час наткнулся на знакомое лицо.

Женщина на фотографии смотрела прямо в камеру. Тёмные волосы, серые глаза, тонкие губы. Её звали Елена Воро-

нова. Тридцать шесть лет. Пропала в марте этого года.

Я увеличил фотографию. На шее женщины был кулон. Круглый. Металлический.

Я почувствовал, как холод пробегает по спине.

— Костин, — позвал я. — Иди сюда.

Он подошёл. Посмотрел на экран.

— Это она? — спросил он.

— Не знаю. Но похожа. Нужно провести опознание.

— Родственники?

— Муж. Живёт в Иркутске. Адрес есть.

Я встал.

— Поехали.

Глава 3. Муж

Квартира Елены Вороновой находилась в старом доме на улице Марата. Дверь открыл мужчина лет сорока — высо-

кий, худой, с усталыми глазами. Его звали Андрей Воронов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.